

УДК 323.2

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-9-56-63

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ РОССИИ

INSTITUTIONALIZATION OF PUBLIC GOVERNMENT IN POLITICAL PRACTICE OF RUSSIA

Е. В. Булах,
Дальневосточный федеральный
университет, Восточный
институт — Школа
региональных и международных
исследований, г. Владивосток
bulakhev@gmail.ru

E. Bulakh,
Far Eastern Federal University,
Eastern Institute – School of
Regional and International
Studies, Vladivostok

А. Р. Князева,
Дальневосточный федеральный
университет, Восточный
институт — Школа
региональных и международных
исследований, г. Владивосток
infocenter@dvfu.ru

A. Knyazeva,
Far Eastern Federal University,
Eastern Institute - School of
Regional and International
Studies, Vladivostok

В. Г. Цой,
Дальневосточный федеральный
университет, Восточный
институт — Школа
региональных и международных
исследований, г. Владивосток
infocenter@dvfu.ru

V. Tsou,
Far Eastern Federal University,
Eastern Institute - School of
Regional and International
Studies, Vladivostok

В контексте рассматриваемой проблематики выделена определяющая цель местного самоуправления, закрепленная Конституцией РФ, которая заключается в непосредственном обеспечении массового участия населения в решении государственных задач на муниципальном уровне. Авторы размышляют о степени устойчивости общественного самоуправления, о полноценности участия рядовых граждан в политическом процессе. Авторы утверждают, что современная практика местного самоуправления России проходит этап становления и развития. Раскрывается понятие «общественное самоуправление». Делается вывод, что прообразом социально-политической организации общества, характерной для русской ментальности, являются сельская и городская общины, которые на общинных сходах, собраниях, вече осуществляли общественное самоуправление и участвовали в политических процессах. Отмечается точное соответствие характеристик элементов общественного самоуправления современному представлению о политическом институте.

Установлено, что ярким этапом институализации общественного самоуправления является период реформ Александра II. Реформы не упразднили централизованный контроль со стороны государственных органов власти. Авторы отмечают, что в 1917 г. в результате кардинальных политических преобразований во всех городах Советской России появились домовые комитеты, которые впоследствии приобрели форму жилищно-арендных кооперативных товариществ. Как представители общественного контроля они обеспечивали рациональное использование муниципальных домовладений, передаваемых населению в наем от хозяйственных органов местных Советов. Современный этап развития общественного самоуправления — это общественное самоуправление на примере территориального общественного самоуправления (ТОС). В соответствии с ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (№ 131), ТОС является одной из форм самоорганизации граждан по месту жительства. Динамика развития данного института властных отношений на муниципальном уровне постоянно растет. В разные исторические периоды общественное самоуправление являлось основой сохранения, развития и укрепления российской государственности

Ключевые слова: политические институты; политические процессы; общественное самоуправление; ТОС; местное самоуправление; ретроспективный анализ; система государственного управления; вопросы местного значения; муниципальное образование

In the context of the considered problem, the defining purpose of local government, fixed by the Constitution of the Russian Federation, which consists in direct ensuring mass participation of the population in the solution of national objectives at the municipal level, is stated. The authors discuss the stability degree of public self-government about full value of ordinary citizens' participation in political process. The authors claim that modern practice of local government of Russia is at the stage of formation and development. The concept "public self-government" is revealed. The conclusion is drawn that a prototype of the socio-political of society organization, which characterizes the Russian mentality, are rural and city communities, which at community meetings, veche carried out public self-government and participated in political processes. The exact coincidence of elements' characteristics of public self-government with modern idea of political institute is noted.

It is established that a bright stage of public self-government institutionalization is the period of Alexander II reforms. The reforms haven't abolished the centralized control from public authorities of the power. The authors note that in 1917 house committees, which have got a form of housing and rent cooperative associations subsequently, appeared as a result of cardinal political transformations in all cities of the Soviet Russia. As representatives of public control they provided rational use of the municipal households transferred to the population to hiring from economic organizations of local councils. The present development stage of public self-government is a public self-government on the example of territorial public self-government (TPS). According to the Federal Law "About the General Principles of Local Government Organization in the Russian Federation" (No. 131), TSP is one of the forms of citizens' self-organization at the place of residence. The dynamics of this institute development of imperious relations at the municipal level constantly grows. During different historical periods public self-government was a basis of preservation, development and strengthening of the Russian statehood

Key words: political institutions; political processes; public self-government; TSP; local government; retrospective analysis; public administration system; local issues; municipality

Введение. Определяющая цель местного самоуправления, закреплённая Конституцией РФ, заключается в непосредственном обеспечении массового участия населения в решении государственных задач на муниципальном уровне, обозначенных как вопросы местного значения. Только в условиях устойчивой консолидации гражданских усилий можно говорить об эффективной системе государственного управления, о стабильном и устойчивом росте регионов и страны в целом. В современной российской практике процесс привлечения населения к непосредственному осуществлению местного самоуправления приобрёл форму территориального общественного самоуправления. Насколько устойчива эта форма и можно ли различные организационные элементы непосредственного участия граждан признать полноценным участником политического процесса и определить их место в политической системе? Эти вопросы стали предметом широкой научной дискуссии на фоне становления и

развития современной практики местного самоуправления России.

Методология исследования. Определённый интерес может представлять исследование, посвящённое практике формирования и развития института общественного самоуправления в политической системе через ретроспективный анализ. Э. Р. Чернова в работе «Формирование и развитие института территориального общественного самоуправления в России и за рубежом» раскрывает понятие «общественное самоуправление» через правовой анализ территориального общественного самоуправления, закреплённого в ст. 27 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления». Под общественным самоуправлением понимается «разновидность самоорганизации граждан по месту их жительства на определённой части муниципальной единицы для того, чтобы самостоятельно и под свою ответственность осуществлять собственные инициативы, касающиеся решения

проблем местного значения» [6; 8]. В свою очередь, В. Г. Шустов говорит о «самоуправлении» как об общественном, народном органе [9]. Можно сделать вывод, что общественное самоуправление — это управление на части муниципального образования непосредственно самим населением и через созданные гражданами органы, которые не являются государственными органами власти, но осуществляют политическую функцию по решению социально значимых задач самостоятельно на местном уровне в единой системе государственного управления.

Система государственного управления базируется на нескольких политических системообразующих институтах, но можно ли признать общественное самоуправление политическим институтом, исходя из наличия стабильных организационных признаков и осуществляемых им властных полномочий по вопросам местного значения либо по отдельно переданным особым государственным полномочиям. Большинство исследователей институциональной проблематики считают, что содержательная сторона понятия «политический институт» должна включать, прежде всего, такие главные компоненты, как формализованная организационная структура, осуществляющая свои функции в системе политической практики в соответствии с требованиями, ценностями, легитимностью ее существования [7].

Для дальнейшего анализа институциональной составляющей общественного самоуправления в различные исторические периоды развития России можно взять следующие основные принципы его осуществления: наличие органов общественного самоуправления и избираемость в их состав, наличие у общественного самоуправления функциональных задач в системе государственного управления.

Начиная анализ с периода написания книги «Повесть временных лет», можно сделать вывод, что прообразом социально-политической организации общества, характерной для русской ментальности, являются сельская и городская общины. Общинные сходы, собрания, вече и другие

непосредственные формы стали основными инструментами осуществления общественного самоуправления и участия населения в политических процессах X—XVI вв. Городское вече Новгорода или Пскова обладало огромными политическими правами, включая признание легитимным приглашаемого князя. Обеспечивая безопасность и суверенитет республики, князь во всем остальном подчинялся общественному органу управления. Общее собрание жителей Новгорода являлось не единственной организованной формой общественного самоуправления, территория города делилась на волости и пятины, которые управлялись на началах местной автономии. Каждая пятина приписывалась к одному из пяти концов Новгорода, где центром самоуправления пятины являлся пригород. В свою очередь, волости делились на сотни (это единица корпоративного деления: суконная сотня, торговая сотня, черная сотня), потуги и погосты, во главе которых стояли сотские и старосты, избирающиеся вечем. Новгород имел избираемых старост концов (внутригородских районов) и улиц. Система управления Псковской республикой во многом схожа. Псковское государство имело деление на губы (округа), волости и села. Псков делился на шесть концов и двенадцать пригородов. Вместо тысяцкого в Пскове вече избирало двух степенных посадников.

Дошедшее до наших времен подробное описание административно-территориального деления первых республик дает яркое представление о структуре политической системы того периода, о роли и месте общественного участия в государственных делах. Наблюдается точное соответствие характеристик элементов общественного самоуправления современному представлению о политическом институте, это и наличие избираемых на сходах, собраниях и вече органов общественного самоуправления, и четко обозначенный круг властных полномочий, реализуемых населением самостоятельно в границах своего проживания.

В XVI—XIX вв. самоуправление принимает форму крестьянского общинного самоуправления. Данная форма самоуправле-

ния возникла в результате земской реформы Ивана Грозного, который в 1570 г., в ходе похода опричного войска, присоединил территории Новгородской и Псковской республик. «Уставная земская грамота» 1551 г. предусматривала возможность осуществления самоуправления путем проведения сходов, на которых выбирались должностные лица местного самоуправления. В этот период тенденции самоуправления в России то усиливались, то ослабевали. «Земские» и «губные» старосты, которые избирались населением, имели довольно широкий спектр полномочий, однако в своей деятельности ориентировались на мнение воевод. Позже аппаратно-бюрократическая составляющая в общественном самоуправлении стала вытеснять выборных представителей.

Очередным ярким этапом институционализации общественного самоуправления является период реформ Александра II. Императорскими указами предложено гражданское самоуправление в виде избираемых населением земств. Систематизация медицинского обслуживания и образования, обеспечение их доступности в сельской местности стали основными государственно значимыми задачами избираемых земств. Их деятельность осуществлялась гласно, собрания были доступны для всех желающих.

Городская реформа в формате «Городового положения» от 16 июня 1870 г. позволила населению непосредственно создавать органы городского самоуправления, наделенные полномочиями в решении вопросов местного значения. В систему общественного самоуправления включались такие структурные единицы, как городское избирательное собрание, городская дума и городская управа.

Городскую думу возглавлял городской голова, деятельность осуществляли гласные и по одному представителю от уездной земской управы и духовного ведомства. Заседая по мере накопления дел, дума принимала решения по вопросам, называемым ныне «вопросы местного значения», а именно: о порядке содержания в исправности и чистоте улиц, площадей, мостов, каналов; о

мерах к охране чистоты общественных сооружений и памятников; о чистке дворов, об устройстве и чистке помойных ям и отхожих мест; о мерах предосторожности против порчи воды; о внутреннем порядке на ярмарках, рынках и базарах; о мерах предупреждения и прекращения заразных, повальных и местных болезней [2].

Особыми полномочиями городской думы можно считать возможность избрания ею городской управы. Несмотря на то, что председатель Управы утверждался в губернских городах Министром внутренних дел, а в других городах — губернатором, управа эффективно реализовывала принятые думой решения, если они не были приостановлены или отменены губернатором, что случалось крайне редко.

Гражданские реформы Александра II не упразднили централизованный контроль со стороны государственных органов власти. Статус высшей инстанции над всеми городскими, земскими органами, над губернаторами сохранял за собой Сенат, но выборность и широкая функциональность местных органов общественного самоуправления раздвинули структуру политической системы новыми политическими институтами.

Особое место в анализе прошлой практики осуществления общественного самоуправления на территории современной России занимает оценка станичного самоуправления в казачьих поселениях. Казачество представляло собой сложное этническое и социальное явление, образованное с целью укрепления приграничных территорий. Земли государевым повелением передавались казачьему войску, а далее — станичным обществам с целью перераспределения наделов между казаками в зависимости от их должностного положения. Казаки несли службу по охране государственных рубежей, за что и пользовались землей. Войско представляло собой быстро мобилизируемое, полувоенное сообщество, расположившееся вдоль границ в виде ряда самостоятельных сельских территориальных общин (станций).

В 1870 г. всесословный характер станичных обществ и право на участие в сходах признаны в следующих документах: «Положение об общественном управлении в казачьих войсках», «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». Двойственная природа казачества определила особенности организации общественного самоуправления. Станичное общество составляли все лица войскового сословия, которые числились в станице или в принадлежащих ей хуторах, правом на самоуправление в казачьих сообществах обладали все казаки по достижении 25 лет.

Станичный сход являлся главным распорядителем капиталов, хозяйства и земельных угодий станицы. В него входили станичный атаман, его помощники, казначей, судьи, доверенные лица станичного правления и 30...100 человек выборных казаков, от десяти дворов по одному представителю. Станичный сход, атаман, правление и суд осуществляли государственные функции, являясь представительной, судебной и исполнительной властью. На атамана станицы возложены обязанности ведения наблюдения за порядком, спокойствием и благочинием в пределах станицы, за исполнением законов, судебных решений, общественных приговоров, за дорогами, мостами, за исправностью воинского снаряжения служилого состава, несением ими служебных обязанностей. Станичный атаман носил особую форму и звание хорунжего. Самоуправление в казачестве на протяжении долгого времени являлось неотъемлемой частью станичной государственности. Власть поощряла казачество, предоставляя ему различные экономические и политические льготы, закрепляя их соответствующими нормативными актами [3].

В результате кардинальных политических преобразований 1917 г. во всех городах Советской России появились домовые комитеты, которые впоследствии приобрели форму жилищно-арендных кооперативных товариществ. Как участник общественного контроля, они обеспечивали рациональное использование муниципаль-

ных домовладений, передаваемых населению в наем от хозяйственных органов местных Советов.

Гражданская война, период индустриализации, Вторая мировая война и последующий период восстановления народного хозяйства требовали особого политико-правового режима, обеспечивающего концентрацию ресурсов и стабильность жесткой вертикали власти. Только в период «оттепели», когда в 1957 г. Советом министров СССР была разрешена организация жилищно-строительных кооперативов на основе выдачи ссуд, начала возрастать роль активной части населения.

В 1959 г. на XXI съезде КПСС официально закреплен термин «местное самоуправление», а в Конституции РСФСР 1978 г. отмечалось, что в обязанности местных Советов народных депутатов входило развитие общественных инициатив и самодеятельности граждан, а также руководство ими. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 сентября 1985 г. «Об утверждении Положения об общественных сельских, уличных, квартальных комитетах в населенных пунктах РСФСР» закреплял правовой статус органов общественной самодеятельности населения. Они формировались по территориальному принципу, их главной целью становилось содействие Советам народных депутатов в деятельности по привлечению населения в решении вопросов общегосударственного и местного значения. По мере демократизации советского общества активизировался процесс институционализации общественного самоуправления. Следующим значимым законодательным актом, укрепляющим позиции общественного самоуправления, стал Закон СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйствования в СССР». Данный документ ввел в систему государственной власти местное самоуправление, определив его как самоорганизацию граждан для решения непосредственно или через выбираемые представительные органы вопросов местного значения, возникающих в соответствующем населенном пункте.

Современный этап развития общественного самоуправления — это общественное самоуправление на примере ТОС [1]. Зародившееся в досоветской России, во времена позднего СССР получившее импульс к развитию, территориальное общественное самоуправление по достоинству заняло одну из ключевых позиций в системе местного самоуправления Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (от 6 октября 2003 г. № 131) ТОС является одной из форм самоорганизации граждан по месту жительства. В России ТОС осуществляет практику непосредственно или через своих выборных представителей, решая вопросы местного значения [4].

Динамика развития данного института властных отношений на муниципальном уровне постоянно растет. Первыми в России деятельность ТОС начали развивать на своей территории Кировская и Ульяновская области в 1989 г., Иркутская, Ивановская, Пермская области — в 1990 г., Липецкая область — в 1991 г., Саратовская область — в 1992 г., Свердловская область — в 1993 г. В настоящее время регионами-лидерами по числу ТОС являются: Рязанская (2173), Волгоградская (2050) и Орловская (886) области, которые развивались в этом направлении еще с 1990-х — нач. 2000-х гг. На 2018 г. общее количество ТОС в 85 регионах составило 28 426 (в том числе с регистрацией юридического лица — 2450 ТОС) [5].

Заключение. Правовое регулирование на федеральном уровне определяет инициативу населения единственным и основным организационным фактором ТОС. Именно инициатива населения формирует перечень вопросов местного значения и объем

компетенций органов общественного самоуправления в решении взятых на себя государственно важных задач. Опираясь на анализ современной практики законодательного регулирования общественного самоуправления, что позволяет конкретизировать общие институциональные характерные черты, можно предположить, что законодательный порядок формального определения организационной структуры любого политического института должен быть принят как основополагающий.

Если выявить время возникновения первых самоуправляемых сообществ на территории нынешней России в данный период развития науки не представляется возможным, то соответствие основных характеристик известных практик народного участия характеристикам, свойственным политическим институтам, очевидно. Претерпевая различные метаморфозы по мере своего исторического развития, общественное самоуправление устойчиво сохраняло приверженность основным принципам, таким как наличие органов общественного самоуправления, избираемость в их состав, а также принципу активного легитимного участия общественного самоуправления в решении общегосударственных вопросов на местном уровне. В разные исторические периоды общественное самоуправление являлось основой сохранения, развития и укрепления российской государственности. В современном мире общественное самоуправление укрепилось в позиции одной из важнейших форм осуществления местного самоуправления в муниципальных административных единицах и является обязательным элементом любого демократического сообщества.

Список литературы

1. Гайдукова Г. Н., Гайдуков Р. И. Система территориального и общественного самоуправления: универсальная модель и практика реализации на территории Белгородской области // Социология и социальные технологии. 2011. № 2. С. 98–109.
2. Городовое положение от 16 июня 1870 года [Электронный ресурс] // Дилетант. Режим доступа: <http://www.m.diletant.media/articles/38496989> (дата обращения: 23.05.2018).
3. Кранов С. Ю. Деятельность органов территориального местного самоуправления по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX века // Вестник Волгоград. гос. ун-та. 2010. № 2. С. 41–53.

4. Курченков В. В., Морозова Н. И., Калмыкова Т. Н. Пути повышения эффективности ТОС // Региональная экономика. Юг России. 2016. № 3. С. 106–113.
5. Мониторинг деятельности ТОС в РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ligatos.rf/2016/06/26/мониторинг-деятельности> (дата обращения: 26.06.2018).
6. Романова И. В., Романова Н. П. Состояние профессионального ресурсного потенциала муниципальных служащих Забайкальского края: базовые индикаторы // Управление человеческими ресурсами: теория и практика: II Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 149–158.
7. Рыбаков А. В., Студников П. Е. Категория «политический институт» в современной политической науке // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: материалы XLVI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2015.
8. Чернова Э. Р. Формирование и развитие института территориального общественного самоуправления в России и за рубежом [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. 2014. № 11. Режим доступа: <http://www.politika.snauka.ru/2014/11/2112> (дата обращения: 23.04.2018).
9. Шустов В. Г. Становление института территориального общественного самоуправления в новой России [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-territorialnogo> (дата обращения: 14.06.2018).

References

1. Gaydukova G. N., Gaydukov R. I. *Sotsiologiya i sotsialnye tehnologii* (Sociology and social technologies), 2011, no. 2, pp. 98–109.
2. *Gorodovoe polozhenie ot 16 iyunya 1870 goda* (Urban situation of June 16, 1870): Amateur. Available at: <http://www.m.diletant.media/articles/38496989> (Date of access: 23.05.2018).
3. Cranes S. Yu. *Vestnik Volgograd. gos. un-ta* (State Volgograd. University Bulletin), 2010, no. 2, pp. 41–53.
4. Kurchenkov V. V., Morozova N. I., Kalmykova T. N. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* (Regional economy. South of Russia), 2016, no. 3, pp. 106–113.
5. *Monitoring deyatel'nosti TOS v RF* (Monitoring TSG activities in the Russian Federation). Available at: <http://www.ligatos.rf/2016/06/26/monitoring-activities> (Date of access: 26.06.2018).
6. Romanova I. V., Romanova N. P. *Upravlenie chelovecheskimi resursami: teoriya i praktika: II Mezhdunar. nauch.-prakt. Konf* (Human Resource Management: Theory and Practice: II International scientific-practical conf.). Chita: ZabGU, 2015, pp. 149–158.
7. Rybakov A. V., Studnikov P. E. *Aktualnye voprosy obshchestvennykh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya: materialy XLVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf* (Current issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history: materials XLVI Intern. scientific-practical conf.). Novosibirsk: SibAK, 2015.
8. Chernova E. R. *Politika, gosudarstvo i pravo* (Politics, state and law), 2014, no. 11. Available at: <http://www.politika.snauka.ru/2014/11/2112> (Date of access: 23.04.2018).
9. Shustov V. G. *Vestnik Adygeiskogo gos. un-ta. Ser. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kulturologiya* (Herald Adygei State. un-that. Ser. 1. Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural science), 2012. no. 4. Available at: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-territorialnogo> (Date of access: 14.06.2018).

Коротко об авторах

Булах Евгений Васильевич, канд. полит. наук, доцент, кафедра политологии, Дальневосточный федеральный университет, Восточный институт — Школа региональных и международных исследований, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: история государства и права, государственное и муниципальное управление, государственная муниципальная политика, общественное самоуправление, пространственное территориальное управление bulakhev@mail.ru

Князева Анастасия Романовна, аспирант, Дальневосточный федеральный университет, Восточный институт — Школа региональных и международных исследований, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: история государства и права, государственное и муниципальное управление, государственная муниципальная политика, общественное самоуправление, пространственное территориальное управление infocenter@dvfu.ru

Цой Владислава Геннадьевна, аспирант, Дальневосточный федеральный университет, Восточный институт — Школа региональных и международных исследований, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: история государства и права, государственное и муниципальное управление, государственная муниципальная политика, общественное самоуправление, пространственное территориальное управление
infocenter@dvfu.ru

Briefly about the authors

Evgeny Bulakh, candidate of political sciences, associate professor, Political Science department, Far Eastern Federal University, Eastern Institute – School of Regional and International Studies, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: history of state and law, state and municipal government, state municipal policy, public self-government, spatial territorial administration

Anastasia Knyazeva, postgraduate, Far Eastern Federal University, Eastern Institute – School of Regional and International Studies, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: history of state and law, state and municipal government, state municipal policy, public self-government, spatial territorial administration

Vladislava Tsoy, postgraduate, Far Eastern Federal University, Eastern Institute – School of Regional and International Studies, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: history of state and law, state and municipal government, state municipal policy, public self-government, spatial territorial administration

Образец цитирования

Буллах Е. В., Князева А. Р., Цой В. Г. Институционализация общественного самоуправления в политической практике России // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 9. С. 56–63. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-9-56-63.

Bulakh E., Knyazeva A., Tsoy V. Institutionalization of public government in political practice of Russia // Transbaikalian State University Journal, 2018, vol. 24, no. 9, pp. 56–63. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-9-56-63.

Статья поступила в редакцию: 13.07.2018 г.
Статья принята к публикации: 06.11.2018 г.

